

Наталья ЧЕРКАС

г. Москва

В первой половине XIX века на берегу Балтийского моря в городе Стокгольме жили Нобели — Эммануил и Андриетта. И было у них три сына мал мала меньше — Людвиг, Роберт и Альфред. Андриетта пряла свою пряжу, а Эммануил изобретал свои изобретения. Только не было от них ни богатств, ни счастья, а одни только долги да неприятности. Пошёл тогда Эммануил к Балтийскому морю и стал кликать Золотую Рыбку. Приплыла к нему Рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, Нобель?» «Помоги мне, Государыня Рыбка», — попросил Эммануил. «У нас, Золотых Рыбок, так заведено: если поймают, а потом в сине море отпустят, то мы можем помочь, а без этого — только совет даем», — сказала на это Рыбка. «Ну ладно, дай хоть совет». И рассказал Нобель, что он изобретает разные нужные вещи для человечества. Например, вот придумал надувной матрас или эластичную ткань резину, из которой галоши да сапоги сделать можно. Только человечество говорит: «Зачем нам надувные матрасы — мы на воде не спим!» Или: «Зачем нам сапоги и галоши, у нас вон засуха какая!» И ничего у него не заказывает. Выслушала его Золотая Рыбка и сказала: «Брось ты эти галоши да матрасы, изобретай лучше боеприпасы!» «Так ведь не воюет никто», — удивился Нобель. «Война — дело наживное», — ответила Рыбка и бултых в воду.

Вернулся Эммануил домой, устроил лабораторию в сарайчике и стал проводить опыты над взрывчатыми веществами. И вскоре получилась у него мина. Да не простая, а морская. Он даже испытал её в корыте с водой. Корыто разлетелось на мелкие кусочки. Андриетта рассердилась и хотела было отправить мужа к Золотой Рыбке за новым корытом, раз она ему такие советы дает, да передумала.

А Эммануилу в этот же день приснился сон, будто Рыбка у него спрашивает: «Что ж это ты изобрёл такое?» «Так морскую мину, чтоб вражеские корабли из-под низа взрывать», — отвечает спящий. «А ты о нас подумал? Эх, Нобель, Нобель...» И опять бултых в воду. Эммануил как закричит во сне: «Смилуйся, Государыня Рыбка!» И проснулся от своего же крика. Весь день ходил сам не свой. Потом немного успокоился и подумал: «Может, обойдётся как-нибудь».

ЖЗЛ: АЛЬФРЕД НОБЕЛЬ
Сказка

Но не обошлось. Как-то пошли они с детьми гулять в Главный Парк города Стокгольма. Долго ли, коротко ли гуляли, не помнят. Но когда вернулись домой, то увидели, что дома — никакого и нет уже. Сгорел. Только шведские стенки и остались. Заплакали Андриетта с детьми горькими слезами. А Эммануил сказал жене: «Не реви, а лучше накрой нам шведский стол, поедим и отправимся в Россию. Построим минный заводик в Петербурге и заживём лучше прежнего». В Европе тогда каждый знал, что здоровье надо поправлять в Италии, а благосостояние — в России.

В России Правительство обрадовалось изобретениям Эммануила. Наладил он минное производство, да ещё вдобавок — и оружейное, назвал всё «Нобель и сыновья». Пошли военные заказы. От избытка боеприпасов стала Россия задираться к разным коалициям, окружавшим её. Получилась Крымская война. Вспомнил тогда Эммануил слова Рыбки: «Война — дело наживное».

Купили Нобели дом в Петербурге. Стали уст-

раивать на минные деньги балы со шведскими столами по четвергам, а дети — получать хорошее домашнее образование. Эммануил и Андриетта любили всех своих сыновей. Но младшего — больше. Он родился слабым, болезненным и всё время в детстве был на грани жизни и смерти. Когда Нобель-старший рассказывал кому-нибудь о детях, то говорил о старшем Роберте: «Мой гениальный спекулянт», о среднем Людвиге: «Мой гениальный инженер», а о младшем: «Мой гениальный Альфред». Роберт и Людвиг рано стали работать на семейном предприятии. А Альфреда все жалели. В один прекрасный день он объявил всей семье, что пишет стихи и хочет стать поэтом наподобие Шелли. А боеприпасы ему неинтересны. Опечалился Эммануил, но перечить не стал.

Так с тех пор и пошла у них жизнь: Андриетта пряла свою пряжу, Эммануил, Роберт и Людвиг производили мины да ружья, а Альфред писал стихи у себя в комнате. Когда наступал бальный день четверг, то читал их разным привлекательным женщинам. Все женщины тогда проявляли интерес к Альфреду. Во-первых, было модно интересоваться поэзией. Во-вторых, у него по причине слабого здоровья было самое бледное чело во всём Санкт-Петербурге. А бледные чела тоже как раз были в моде. Раз среди женщин Альфред заметил девушку Анну, которая показалась ему краше всех. С того четверга он стал ей посвящать все стихи. А через два-три бала решил жениться. Да не успел. Анна понравилась другому молодому человеку, подающему надежды в математике. И он вызвал Альфреда на математическую дуэль. Но Альфред Нобель был слаб в науках, задачу не решил, и Анна из практических соображений пошла замуж за математика. Хоть он и не писал стихов, а чело для бледности мазал белилами. «Ну что, сынку, помогла тебе твоя поэзия?» — спросил Эммануил у Альфреда. Ничего не ответил Альфред, ушёл в свою комнату. Перестал есть-пить, а стихи свои стал жечь. Испугалась за него семья. И отправил Эммануил сына на берег Балтийского моря. Там Альфред кликнул Золотую Рыбку. Приплыла к нему Рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, Нобель?» «Помоги мне, Государыня Рыбка», — попросил Альфред. «У нас, Золотых Рыбок, так заведено: если поймают, а потом в сине море отпустят, то мы можем помочь, а без этого — только совет даем», — сказала

на это Рыбка. «Ну ладно, дай хоть совет». И рассказал Нобель ей о своих неудачах в любви. Выслушала его Золотая Рыбка и сказала: «Брось ты этих баб, займись лучше физикой и химией!» «А как же любовь?» — спросил Альфред. «Любовь — дело наживное», — ответила Рыбка и бултых в воду. Когда он вернулся домой, то сказал отцу так: «Скоро не останется ни физика, ни химика, которые были бы лучше меня».

С тех пор Альфреда как подменили. Он всё время занимался изучением физики и химии или опытами над взрывчатыми веществами в лаборатории отца. Сделался сосредоточенным. По улицам ходил редко — и зимой, и летом с поднятым воротником, только нос торчал наружу. Вскоре в разговорном русском языке появилось новое слово «шнобель». Оно обозначало большой нос и образовалось от фамилии «Нобель». «Ш» прибавили, чтоб не забыть, из какого языка это слово пришло.

Только с этой бедой справились, а тут другая напасть: Крымская война закончилась. Военные заказы прекратились. Мины и ружья пылились на складе. Иногда, правда, какие-то молодые люди приходили, чтоб купить парочку мин. Но этим брешь в семейном бюджете не закроешь. А раз Российское Правительство призвало к себе Нобеля-старшего и сказало:

— Не нужны нам ваши мины, тем более они у вас плохого качества — не взрывались, когда нужно было, а теперь взрываются. Из-за вас мы проиграли войну, если хотите знать. Собирайтесь и возвращайтесь к себе в Лапландию.

— А можно моим ребятам остаться в России? — спросил у Правительства Эммануил.

— Ага, чтоб взрывчатыми веществами баловаться?! Нам своих баловников хватает — вешать не успеваем. Царей на них не напасёшься, — ответило Правительство.

— Нет, они у меня смирные. Вот старший, Роберт Эммануилович, хочет наш минный заводик переоборудовать и наладить производство колёс для ваших телег. Средний, Людвиг Эммануилович, придумал нефтеперегонную фабрику и поедет на Кавказ, чтоб пробурить пару нефтяных скважин и испытать её. А младшенький, Альфред Эммануилович, пусть при них будет — братья всё-таки, — рассказал Нобель-старший.

— Ладно, эти двое пусть остаются, раз они такие безобидные, а Альфреда Эммануиловича

своего заберите с собой — нам известно, как он с нитроглицерином балуется, — сказала Российское Правительство.

— Что вы, он слаб здоровьем, а нитроглицерин — это лекарство такое, — стал защищать сына Нобель. А про себя удивился: «Знают уже про наши опыты с нитроглицерином, а мы их только вчера начали!»

— Вот именно что лекарство, а он его взрывает! Мы следим за взрывоиспытательной наукой. И за вами тоже: за двадцать лет поняли, что вы за птицы. Забирайте его с собой, а то чего доброго — повесим под горячую руку.

Остались Роберт и Людвиг в России навсегда, а остальные Нобели уехали в Швецию. Купили заброшенную ферму недалеко от Стокгольма, и там Эммануил с Альфредом продолжили свои опыты. Шло время, отец состарился. Альфред Нобель сам изобрёл из нитроглицерина динамит. По всему миру стали строиться динамитные фабрики. Даже в Австралии. Денег у него стало видимо-невидимо.

Конечно, Нобель понимал, что динамит — это не сахар-рафинад. Фабрики иногда взрывались, и погибало много всего живого. В такие времена Альфреда мучила совесть. Когда стало совсем невмоготу, пошёл он на берег ближайшего моря, кликнул Золотую Рыбку и спросил у неё совета. «Изобрети что-нибудь мирное», — сказала Рыбка и бултых в воду. И Альфред то газовую горелку придумает, то барометр, то ещё что-нибудь безобидное. Но гордился он своим рецептом искусственного шёлка. Считал, что в этом изобретении сильнее всего проявился его гуманизм: он спасает от смерти тутовых шелкопрядов.

Однажды Нобель вспомнил слова Рыбки, что любовь — дело наживное, и дал объявление в газету: мол, ищу компаньонку и секретаря. Откликнулась одна добрая, но обедневшая графиня по имени Берта. Альфреду она понравилась, и он пригласил её к себе. Берта пообещала приехать, но попросила непременно устроить для неё будуар в доме, потому что она — графиня. Альфред Нобель сразу же отправился в будуарный магазин. Выбор поразил его. «Вот, из взрывчатых веществ они только дымный порох придумали, зато будуаров — пруд пруди!» Стал выбирать и удивился, что все они в стилях французских королей Людовиков. Спросил у продавца: «А нет ли у вас будуаров в стиле шведских королей Кар-

лов?» «Нет, — ответил продавец, — в конце месяца заходите, может, и ваши Карлы будут». Нобель ждать конца месяца не стал — купил первый попавшийся. А Берта так и не приехала. Прислала письмо: «Я решила посвятить себя борьбе за мир во всём мире. Если Вы пацифист, то станемте переписываться и обмениваться пацифистскими идеями. Если же нет, то прощайте навеки». Когда Нобель прочитал это, то тут же схватил шашку, которая висела на стене для красоты, и порубил на мелкие кусочки будуар. А потом сел и написал ответ: «Ma cherie, я — пацифист. Давайте переписываться и обмениваться идеями. Давайте станем основоположниками мирового пацифистского движения». Правда, сначала вместо «ma cherie» он написал «baby», но потом тщательно зачеркнул: ведь основоположники так не обращаются друг к другу.

После отказа Берты Нобель стал ещё сосредоточенней и почти не выходил из своей лаборатории. Напротив его дома располагалась цветочная лавка. А в ней работала одна смышленная продавщица Софи двадцати лет. Она заметила богатого господина сорока пяти лет. И стала всё время попадаться ему на глаза. Хотя это и было трудно, но ей как-то удавалось. В скором времени Нобель не сводил глаз с цветочной лавки, а потом и с Софи, которая поселилась в домике рядом, купленном специально для неё. «И правда: любовь — дело наживное», — подумалось тогда Альфреду.

Так прошло 15 лет. И вот однажды к Нобелю в дом неожиданно пришла Софи. Да не одна, а с ребёнком на руках, и ещё с ней был драгунский капитан. Оказалось, что она выходит замуж за этого капитана и вот уже даже ребёнок от него родила. «Когда только успела?» — подумал вслух Нобель. Она просила благословить их и дать денег хоть на первое время. Когда они ушли, Нобель посмотрел в окно на цветочную лавку. И со словами: «Давно я не брал в руки шашку!» схватил кусок динамита, который у него по всему дому валялся, и швырнул в окно. Было раннее утро, и в лавке никого не было. Поэтому пострадали только цветы. С тех пор куски динамита, аккуратно завернутые в промасленную бумагу, называют динамитными шашками. С женщинами Альфред Нобель больше не связывался. Стал ещё мрачнее и остаток жизни провёл в одиночестве.

Как-то из газет Нобель узнал, что он — продавец смерти. «Кто, кроме тутовых шелкопрядов, помянет меня добрым словом?!» — опечалился Альфред. И опять пошёл к морю и стал кликать Золотую Рыбку. Приплыла к нему Рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, Нобель?» «Посоветуй, Государыня Рыбка, как бы мне составить хорошее мнение потомков о себе». «А ты все капиталы отдай на вечные премии от своего имени», — сказала ему Рыбка.

Пришёл Нобель домой и составил список тех, кому он эти премии назначает, так как всему человечеству всё равно не хватит. Первых двух даже и придумать не пришлось: химик и физик. Глядишь, они усердней думать станут, изобретут оружие страшнее динамита, и его звание продавца смерти перейдёт кому-нибудь другому. Вспомнил своё увлечение поэзией и записал литераторов. Потом вспомнил Берту и записал борцов за мир во всем мире. Подумал и добавил медицину, чтоб расплатиться с нею за нитроглицерин. Больше Нобель не нашёл причин записать ещё кого-нибудь. И поставил точку.

После смерти Альфреда Нобеля наследники так и ахнули: им достались сушие копейки по сравнению с тем, на что они рассчитывали. Берте дали первой Нобелевскую премию как борцу за мир, и она успокоилась. А Софи вообще ничего не дали. Тогда она заявила, что будет продавать журналистам письма и записочки Нобеля, которые начинались всегда одинаково: «baby». Наследники не хотели, чтоб имя Нобеля вспоминалось всеу, и заплатили ей. Но Софи стала приходить постоянно и требовать разные суммы. Когда подсчитали, то поняли, что она каждый год набирает денег ровно на одну Нобелевскую премию. «Вот зараза!» — подумали наследники, но делать было нечего. Софи стала единственной, получившей много нобелевских премий и практически за здорово живёшь. Вот так изобретатель динамита Альфред Нобель и оправдался перед человечеством.

Золотая Рыбка про Список Нобеля сказала так: «Мог бы и борцов за чистоту окружающей среды включить — вон сколько экологических проблем накопилось, а они не больно-то борются. Скоро ни Золотых, ни Серебряных, никаких рыбок не останется. Опять о нас не подумал! Эх, Нобель, Нобель...» И бултых в воду.

В давние средневековые времена жил да был ученый Николай Коперник. В разных университетах он обучался, разными науками занимался, но больше всего — астрономией. Он даже завёл себе собственную обсерваторию в виде пристройки к дому и кое-какой астрономический инвентарь: солнечные часы, стол, стул и окна в потолке. С помощью этих приспособлений придумал он гелиоцентрическую систему мира. А когда придумал, то обрадовался и хотел тут же всем рассказать о ней. Огляделся, а рассказать-то и некому. Из интересующихся научными открытиями — только Инквизиция. Ведь в Средневековье из соображений безопасности ученые знать не хотели друг друга. Каждый двигал науку сам по себе, не ведая, что это же самое двига-

ет другой. Бывало, одно и то же открытие делают одновременно человек десять. И все десять радуются как дети. С точки зрения гуманизма жизни, это были времена радостных ученых, хотя и свирепствовала Инквизиция.

Долго ли, коротко радовался Николай Коперник своей гелиоцентрической системе в одиночку, а только надоела ему такая радость. И решил он громко заявить о себе. Подумал так: «Там — суд да дело, да костер, и я пока расскажу о своем открытии, и узнают обо мне все кому не лень». Сказано — сделано. Чтоб больше собрать народу, дал объявление в газете «Вечернее Средневековье»: «Я — астроном». И подписался: «Николай Коперник». Сел в своей обсерватории и стал ждать, когда за ним Инквизиция придёт. Обычно она приходила быстро, самое позднее — в полночь. А тут уже светать стало, а её всё нет.

Коперник, пока ждал, то подумал, что поторопился с объявлением — ведь ещё точно не известно, круглая Земля или не круглая. А на этом его гелиоцентрическая система мира и строится. Магеллан, друг детства Коперника, чтобы помочь ему и убедиться на деле, что Земля — шар, отправился в кругосветное путешествие. Но пока ещё не вернулся. А вдруг она — не шар? «Эх, всё ж надо было подождать, чтоб не обмишуриться!» — подумал Коперник. И тут раздался стук в дверь его обсерватории. Солнечные часы показывали ровно восемь утра.

Когда Николай открыл, то так и опешил: у дверей стояла очередь из средневековых граждан с авоськами. Они сразу же потребовали: «А ну-ка, открывай свой гастроном — уже восемь часов!» «Какой гастроном?» — не понял ученый. «Какой, какой — вот какой!» — сказал первый из очереди и сунул Николаю газету с его объявлением. Коперник прочитал: «Я — гастроном. Николай Коперник». Какой-то сердобольный работник газеты, а может, шутник средневековый, добавил в объявление Коперника букву «г». Николай не обиделся, а даже обрадовался. Он весело сказал, что сегодня гастроном не работает, и закрылся в своей обсерватории. Граждане долго ругались, но потом разошлись.

В один день Коперник превратил свою об-

серваторию в магазин. В условиях Средневековья это было проще простого. Пришлось ему вспомнить, что происходил он из купеческой семьи. И закипела торговля. Средневековые граждане полюбили новый магазин и называли его между собой «коперник». Инквизиторы потеряли к ученому всякий интерес, кроме гастрономического.

Казалось бы, занимайся наукой в безопасности. Но времени не оставалось. Целый день Коперник взвешивал то крупу, то муку, а вечером, когда зажигались небесные светила и наступало время ученого-астронома, он проваливался в сон до самого светлого утра. Иногда из экономии сил он спал прямо в своём гастрономе-обсерватории. И тогда замечал, как в окна в потолок заглядывают звёзды и Луна, будто интересуются, куда это подевался Коперник-астроном, который раньше всё время наблюдал за ними. Звёзды начинали поочередно подмигивать ему, а Николай Коперник даже не успевал им ничего ответить — засыпал. Такое ненаучное времяпрепровождение не огорчало его. Главное теперь — дожидаться Магеллана из кругосветного путешествия.

Прошло лет пять. Так как он был ученый, то его научная мысль никогда не дремала. Освобожденная от астрономических исследований, она заработала в другом направлении: как-то ночью Николаю Копернику приснился магазин самообслуживания. Проснувшись и крикнув, как повелось: «Эврика!», он переделал свой гастроном в магазин самообслуживания и первый раз сидел весь день сложа руки. Астрономические мысли тут же закрубились в его голове. Но обсерватория была занята. В новый магазин народу набивалось — не протолкнуться: кто шёл за продуктами питания и потребления другими способами, а кто — просто поглазеть. Тогда Коперник взял да и перенес всю эту торговлю в одно здание, которое всё равно пустовало в Елисейских полях.

Когда он сел в освободившейся обсерватории и начал думать о небесных телах, то опять раздался стук в дверь. Коперник открыл и увидел своего друга детства Магеллана. Он обрадовался так, что ни в сказке сказать, ни

пером описать. Стали они обниматься и радоваться. Магеллан пришел с бутылкой. Это был средневековый алкоголь неизвестного градуса. Никто тогда не измерял алкоголь в градусах, а только в свалившихся под стол гражданах. Коперник принес еду со своего узорного балкончика. Холодильников не было, потому что не объявился ещё среди ученых изобретатель электричества. Хотя пора было заменить костры Инквизиции на электрические стулья. Это бы облегчило труд инквизиторов. Они уже не знали, где взять столько дров для этих повсеместных костров. Поэтому часто, прежде чем сжечь того или иного ученого, упрекали его, в сердцах подбрасывая хворост в огонь: «Ты б лучше электричество придумал, изобретатель!»

Когда Коперник и Магеллан выпили, то Магеллан вдруг стукнул своим большим морским кулаком по столу и сказал: «А Земля-то круглая». И рассказал Копернику много чего о параллелях и меридианах. После этого они ещё выпили. Магеллан снял тельняшку, и Коперник прочитал на его волосатой груди синюю наколку: «Земля круглая и...» Последнее слово он читать не стал, так как оно не несло никакой научной информации. Николай Коперник тут же впал в научный экстаз.

Магеллан попытался вернуть Коперника к их застолью, но безуспешно. Хотя и предлагал ему такую привлекательную вещь, как выпить ещё и поехать к женщинам лёгкого средневекового поведения. Он взял недопитую бутылку, положил её в карман своих широких морских штанов и пошёл к другому своему другу детства Ваське Да Гама, тоже мореплавателю и первооткрывателю кое-чего. Он жил здесь же в Западной Европе, только на соседней улице.

Научный экстаз случился с Коперником потому, что до Магеллана никто не проверял на себе, что Земля — шар. Ученые только предполагали. Поэтому Папа Римский спокойно запрещал так думать. Он повторял всё время: «Даже и не думайте, что Земля круглая. Она плоская, как моя шапочка». Средневековые граждане смотрели на шапочку Папы своего Римского и думали: «До чего же эта

Земля маленькая и плоская!» Но никто не возражал.

Когда Николай Коперник получил эту новую информацию из первых рук, то тут же стал прилаживать её к своей гелиоцентрической системе мира. Всё приладилось, как будто там и было. Всю оставшуюся жизнь Коперник совершенствовал её. А в конце жизни на эту систему мира было любо-дорого смотреть. Лежа на смертном одре, он написал завещание: магазин оставил родне, а гелиоцентрическую систему мира — Джордано Бруно и Галилео Галилею. Сам он с ними знаком не был, но слышал, что толковые ребята.

Николай Коперник был великим астрономом, а то, что он придумал магазины самообслуживания, вскоре все забыли. Только Владимир Ильич Ленин не забыл. После революции он стал возрождать изобретение Коперника. Правда, оно плохо возрождалось, так как все товары умещались на одной маленькой полочке и кое-что под прилавком. Но Ильич всё равно издал декрет, чтоб на вывесках тех магазинов, которые в светлом будущем станут супермаркетами самообслуживания, рядом со словом «Магазин» приписывали слово «КООП». Долго-долго этот КООП красовался на магазинах. Даже и сейчас кое-где красуется. Говорят, что это слово происходит от фамилии «Коперник», но фундаментальных исследований на эту тему пока нет.

Ленин также любил гелиоцентрическую систему мира Николая Коперника. Принцип её устройства он использовал при создании партийных ячеек и всей партии Большевиков. И наоборот — геоцентрическая система была ему чужда. Когда Ленин хотел пожурить товарища по партии, если тот перетягивал на себя одеяло революционной борьбы, то говорил так: «Да вы, батенька, геоцентрист! А это не наш принцип. Наш — гелиоцентризм: один светит, а все остальные вокруг него вращаются».

Как только Джордано Бруно получил в наследство от Николая Коперника гелиоцентрическую систему мира, то тут же стал думать над ней. Долго ли, коротко думал, только вдруг сделал своё открытие, глядя в ночное небо: солнц во Вселенной видимо-невидимо, вокруг каждого что-нибудь вертится, и конца этому нет.

На следующий день он рассказал всё по секрету одному своему другу, тоже ученому монаху. Вскоре это узнали все. В том числе и любопытные до всякой ереси ученые-схоластики. «Ага, — сказали они, — Коперник-еретик утверждал, будто Земля — не центр Вселенной, а вертится вокруг Солнца, мы только привыкли

к этому и сами уже так думаем, так теперь этот Бруно-еретик говорит, что уже и Солнце — не центр Вселенной. Да сколько же это будет продолжаться? Будет когда-нибудь стабильность в науке или нет?!» «Что — сжечь его?» — спросила Инквизиция. «Нет. Вы так всех ученых нам сожжете. Заточить в тюрьму, которая у нас располагается в сырой каменной башне. Пусть там рассматривает свои многочисленные Вселенные невооруженными глазами».

Так Джордано Бруно оказался в тюрьме без права переписки, но с правом небольших съестных передачек. Передачки ему приносила одна женщина, в которой он принимал до тюрьмы активное платоническое участие. Бруно сидел на самом верхнем этаже и видел только небо и птиц. Он всё время думал, как ему донести до населения открытия Коперника и свои добавления к ним. И придумал. Он стал прикармливать остатками своей пищи птиц на каменном подоконнике. Самыми понятливыми оказались голуби. Вскоре у него была уже сплоченная голубиная стая, готовая разносить знания по свету за завтрак, обед и ужин. Для воплощения в жизнь этого плана его женщина притащила в тюрьму огромный каравай хлеба. В нём были спрятаны громоздкие средневековые

письменные принадлежности и бумага. Надзирателям это показалось подозрительным, и они запретили такую передачу. Тогда смелая женщина пошла к самому главному Инквизитору Томасу Торквемаде и сказала: «Ну и сволочь же ты, Томас, что запрещаешь одинокому человеку кормить хлебушком птичек!» Торквемада устыдился и разрешил: «Ладно, таскай ему свои хлебы».

И после этого дело у Бруно закипело. Он писал на бумажках астрономические сведения, сворачивал трубочкой и привязывал к голубю. Голубь садился на плечо какому-нибудь не осведомленному в астрономии человеку, а тот отрывал себе эту бумажку. Голубь улетал за

следующей порцией знаний, а человек читал и получал яркие представления о Вселенной.

Прошло лет восемь. Уже многие и по два раза бумажки получили. Но однажды случилось неожиданное: голубь с бумажкой сел на плечо самому Томасу Торквемаде, так как не знал его в лицо. «Ах, вот куда уходит хлебушек!» — воскликнул Томас, прочитав записочку, и побежал к Джордано Бруно в камеру. Бруно не ждал его в тот момент. Везде были разбросаны бумажки, а на подоконнике сидела очередь из птиц. Главный Инквизитор так и ахнул: «Прямо офис какой-то, а не камера!» Когда он рылся в бумагах, то увидел ещё и подозрительные стишки. «Мой дядя самых честных правил... — прочитал главный Инквизитор, — откуда у тебя дядя, Бруно? Мы хоть и живём в Средние века, но всё-таки кое-какая база данных у нас имеется». Томас Торквемада точно знал, что никакого дяди у Джордано Бруно нет. Потом прочитал дальше: «Когда не в шутку занемог... Да это же сатира на Папу нашего Римского!» В это время Папа Римский лежал в своём Ватикане при смерти. Не было сомнений — это про него. «Сейчас же всё сжечь!» — закричал Томас. И сожгли. И записочки, и стишки, и Бруно.

Это была неутешительная потеря для науки. Все жалели Бруно. А Владимир Ильич Ленин раз назвал его революционером и частенько сожалел, что Джордано Бруно не состоял в партии Большевиков.

Неутешительная потеря эта была и для голубей. За восемь лет работы с Бруно у них появился стойкий инстинкт почтовых отправлений, который стал передаваться из поколения в поколение. И до сих пор передается. Но после смерти Джордано Бруно и изобретения телеграфа почтовым голубям стало нечего делать. Однако, движимые почтовым инстинктом, они продолжают садиться на подоконники и ждать от людей хлеба и писем. А люди только хлеб им крошат. Письма же отправляют по телеграфу или телефону. Голуби нервничают, гадят на подоконники, но сказать ничего не могут. Люди тоже начинают нервничать, прогонять голубей и обзывать их «бездельниками» и «попрошайками». Такое непонимание является сейчас настоящей трагедией голубиной жизни. Да и человеческой тоже.

Как только Галилео Галилей получил в наследство от Николая Коперника гелиоцентрическую систему мира, то решил для начала помянуть старика Коперника. Когда наступил вечер, он поднялся на чердак своего дома, где у него имелось всё для астрономических наблюдений, а также для поминок. В чердачное окно светила большая средневековая Луна. Галилей уже хотел налить в стакан алкогольной жидкости, но заметил своим острым глазом астронома, что стакан пыльный и на дне его засохло средневековое насекомое, похожее на муравья. Он стал вытирать стакан батистовым платочком и проверять его чистоту, глядя на свет Луны. Вдруг ему показалось, что через дно стакана Луна как будто увеличивается. И Галилей воскликнул: «Оп!» Так появилась наука о стекле оптика. Он наскоро помянул старика Коперника и стал думать, как использовать эту оптику в астрономических целях. Галилей

спустился в дом и тут же стал изобретать прибор зрительного наблюдения из стаканов. Он ставил их друг в друга и смотрел на Луну. Она увеличивалась в размерах с каждым новым стаканом и показывала своё средневековое лицо. Жена, чтоб обратить на себя хоть какое-то внимание Галилео, стала забирать у него стаканы. Но Галилей назвал её инквизитором в юбке, и она ушла плакать от обиды в уборную. В это время из 32 стаканов, которые нашлись в доме, он изобрёл телескоп с 32-кратным увеличением и стал рассматривать небо в новый прибор дальнего видения. Чтобы было доступно большее количество неба, Галилей установил его прямо в саду. Наблюдал и тут же записывал свои наблюдения на бумажку. Неподалёку находилась уборная, в которой плакала жена и подсматривала за ним в щёлочку. Когда Галилей устал и пошёл спать, то она собрала его бумажки и спрятала. А рано утром отнесла ученым-схоластикам, чтоб полюбопытствовали и приняли свои меры. «Ба! Ещё один еретик!» — радостно воскликнули те. И пошли к Галилею домой посмотреть, как это он вооружает глаз трубой из стаканов и смотрит на небо. А Инквизицию прихватили с собой. Но хитрый Галилей не смотрел на небо, чувствуя их приближение. Он смотрел через

эту трубу на землю сада, где ползали в траве средневековые насекомые. А на насекомых никогда и никому не запрещалось смотреть. Поэтому Инквизиция ушла ни с чем, хотя уже приготовила костёр и даже публика собралась.

Галилео Галилей изобрёл зрительную трубу под названием телескоп. И стал тихо делать астрономические открытия, когда никто не видит. А в остальное время делал открытия в области отсутствия скелетов у насекомых и в других областях, куда устремлял свою зрительную трубу. Галилей не замахивался на всю Вселенную. Но Солнечную систему хорошо, 32-кратно рассмотрел. А своим телескопом вооружил глаза всем последующим ученым.

Но Владимир Ильич Ленин всё равно никогда не писал о Галилее. Только один раз в разговоре назвал его троцкистом.

□

Наталья Владимировна ЧЕРКАС

родилась и выросла на Кубани.

Окончила филологический факультет

Дальневосточного государственного университета.

Пишет стихи и прозу.

Автор юмористического цикла сказок «Жизнь замечательных людей».

Публиковалась в альманахе «Амур», журналах «Свой круг» (Канада),

«Лампа и дымоход».

Живет в Москве.

В журнале «Север» публикуется впервые.

